

TERRY PRATCHETT

TERRY PRATCHETT

Reaper Man

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Мрачный Жнец

Москва

2024

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П70

Terry Pratchett
REAPER MAN

REAPER MAN © Terry and Lyn Pratchett, 1991
First published by Victor Gollancz Ltd, London

Иллюстрация на переплете А. Дубовика
Перевод с английского языка А. Гагинского

П70 **Пратчетт, Терри.**
Мрачный Жнец / Терри Пратчетт ; [перевод
с английского А. Гагинского]. — Москва : Эксмо,
2024. — 352 с. — (Терри Пратчетт).

ISBN 978-5-04-186839-0

Аудиторы Реальности увольняют Смерть за гнусное преступление: развитие личности. Теперь Мрачному Жнецу придётся доживать отмеренный ему срок, как обычным людям. Взяв новое имя, он решает поработать на ферме (в конце концов, коса у него уже есть).

А для обитателей Плоского мира Смерти пока просто... нет. Но что делать душам мёртвых, если их не встречают, чтобы проводить на ту сторону? Например, возвращаться в уже неживое тело и делать вид, что ничего не случилось.

Пока Смерть батрачит в полях, недавно почивший волшебник Ветром Сдумс честно пытается наслаждаться посмертием с товарищами по несчастью. И быстро выясняет: жизнь предназначена для живых...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Гагинский А.М., перевод
на русский язык, 2024
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-186839-0

Танец моррис есть во всех обитаемых мирах мультивселенной.

Его танцуют под солнечным небом, приветствуя пробуждение земли весной, и под ясными звёздами, потому что на дворе весна и есть шансы, что двуокись углерода оттает. Тягу к нему ощущают даже глубоководные твари, ни разу не выдавшие солнца, и горожане, которых с природными циклами связывает только тот случай, когда они сбили на своём «Вольво» овцу.

Его танцуют все. Кто невинно, как молодые математики с растрёпанными бородами, под неуклюжую обработку «Жильца миссис Виджери» для аккордеона. Кто сурово, как Ниндзя-Танцоры Нью-Анка, способные вытворять дикие, жуткие вещи при помощи простого полотенца и колокольчика.

Но нигде его не танцуют правильно.

Кроме как на Плоском мире — на диске, стоящем на спинах четырёх слонов, летящих сквозь космос на панцире всемирной черепахи, Великого А’Туина.

И даже тут в моррисе смыслят только в одном месте. В маленькой деревушке высоко в Овцепикских

горах, где эту великую и простую тайну передают из поколения в поколение.

Тут мужчины скачут в первый день весны взад и вперёд — под коленями привязаны колокольчики, белые рубахи развеваются. Народ сходится посмотреть. Потом все жарят быка, и в целом это считается славным семейным праздником.

Но тайна не в этом.

Тайна — в *другом* танце.

И для него время пока не пришло.

Что-то тикает, словно часы. И в самом деле, в небесах есть часы, а из них льётся тиканье свежееотчеканенных секунд.

По крайней мере, выглядит это как часы. На самом деле это полная противоположность часов, а большая стрелка делает всего один оборот.

Под тусклым небом есть равнина. Она покрыта плавными изгибами, которые могут напоминать волны или дюны, если глядеть на них издали. А если вы глядите на них издали, радуйтесь, что не делаете этого вблизи.

Прямо над равниной парили три серые фигуры. Что они собой представляли, обычным языком не описать. Кто-то называет их херувимами, хотя ни крылышек, ни пухлых щёчек им не досталось. Они из тех, кто следит, чтобы притяжение работало, а время оставалось отделённым от пространства. Назовём их аудиторами. Аудиторами реальности.

Они вели беседу без единого слова. Им говорить и не требовалось. Они просто меняли реальность так, будто уже сказали.

Один из них сказал: *Такого прежде не случалось. Это возможно?*

Один из них сказал: *Должно быть. У него есть личность. А личности неизбежно приходят к концу. Вечны лишь безличные силы.* Сказано было с долей самодовольства.

Один из них сказал: *Кстати... уже начались странности. Когда возникает личность, странности случаются. Общеизвестный факт.*

Один из них сказал: *Что, он работал неэффективно?*

Один из них сказал: *Нет. На этом его не поймашь.*

Один из них сказал: *В том-то и суть. В самом слове он. Стать личностью — уже неэффективно. Нельзя позволять этому распространяться. Что, если личность вдруг появится у гравитации? Вдруг ей начнут н р а в и т ь с я люди?*

Один из них сказал: *Типа, она начнёт к ним т я н у т ь с я ?*

Один из них сказал, и можно было бы заметить, что тон его похолодел, если бы он уже не был ниже абсолютного нуля: *Нет.*

Один из них сказал: *Прошу прощения, я неудачно пошутил.*

Один из них сказал: *Кстати, он размышляет о своей работе. А подобные размышления опасны.*

Один из них сказал: *С этим не поспорить.*

Один из них сказал: *Итак, договорились?*

Один из них о чём-то задумался и сказал: *Погодите-ка. А вы случайно не использовали единственное число — «я»? Не завелась ли у вас случайно личность?*

Один из них сказал с невинным видом: *Кто? Мы?*

Один из них сказал: *Где личность, там всегда раздоры.*

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Один из них сказал: *Да. Да. Совершенно верно.*

Один из них сказал: *Ладно. Осторожнее в будущем.*

Один из них сказал: *Так что, договорились?*

Они подняли глаза на лик Азраила, чьи черты проступали на небе. Если точнее, они *и были* небом.

Азраил медленно кивнул.

Один из них сказал: *Отлично. Что это за место?*

Один из них сказал: *Это Плоский мир. Летит через космос на спине гигантской черепахи.*

Один из них сказал: *А, один из этих. Я такие терпеть не могу.*

Один из них сказал: *Вот опять. Вы сказали «я».*

Один из них сказал: *Нет! Нет! Лично я ни за что не сказал бы «я»... ой, блинский...*

Один из них вспыхнул пламенем и сгорел, точь-в-точь как клуб газа — быстро и без останков. Почти сразу же на его месте появился другой. На вид он не отличался от исчезнувшего.

Один из них сказал: *Пусть это послужит уроком. Стать личностью — значит стать конечным. А теперь... пора.*

Азраил наблюдал, как они уплывают прочь.

Трудно постичь мысли создания столь исполинского, что в реальном пространстве его длина измерялась бы в световых годах. Но так или иначе, он повернул свою неизмеримую массу и поискал глазами, в которых терялись звёзды, среди мириада миров тот, Плоский.

Который на спине черепахи. Плоский мир — зеркало прочих миров.

Звучало это интересно. А Азраил, заточённый в плену тысячелетий, заскучал.

А вот зал, в котором будущее вливается в прошлое сквозь воронку настоящего.

Вдоль стен выставлены часы. Не песочные, хотя форма у них та же. Не те часики, которые можно купить как сувенир, с названием вашего любимого курорта, начертанным тем, у кого чувства прекрасного не больше, чем у пончика с повидлом.

То, что в них сыплется, не песок. Это секунды, что без конца превращают «может быть» в «было».

Это часы жизней, и на каждых написано чьё-то имя.

Целый зал, наполненный лёгким шелестом утекающей жизни.

Только представьте...

А теперь добавьте к этому звонкий цокот костей по камню. Он приближается.

Тёмный силуэт проходит перед нами и направляется дальше вдоль бесконечных рядов этих пророческих склянок. Цок, цок. Ага, вот часы, в которых верхняя колба почти опустела. Костяные пальцы тянутся к ней. Забирают. И ещё одну. Забирают. И ещё. И ещё много, много других. Забирают, забирают.

И такая работа идёт целый день. Если можно так сказать, конечно, ведь дней тут никаких нет.

Цок, цок — тёмный силуэт терпеливо шагает вдоль рядов.

И останавливается.

И замирает в замешательстве.

Потому что перед ним — маленькие золотые часики, не больше наручных.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Вчера их тут не было — вернее, не было бы, будь тут «вчера».

Костяные пальцы обхватывают часы и поднимают на свет.

На них написано имя заглавными буквами. Это имя — СМЕРТЬ.

Смерть опустил часы, затем снова поднял. Пески времени уже бежали в них. Он перевернул часы — чисто ради эксперимента, посмотреть, что будет. Песок продолжил струиться, только теперь снизу вверх. Другого Смерть и не ожидал.

Это означало, что, даже существуя тут «завтра», его отныне всё равно не будет.

В воздухе за ним что-то пошевелилось.

Смерть медленно обернулся и обратился к смутной фигуре, парившей во мгле.

— ПОЧЕМУ?

Тот ответил ему.

— НО ЭТО... НЕПРАВИЛЬНО.

Тот ответил ему: *Нет, правильно.*

На лице Смерти не дрогнул ни единый мускул — их всё равно там не было.

— Я ПОДАМ ЖАЛОБУ.

Тот ответил ему, что *уж он-то* должен понимать: жалобы бесполезны.

Никаких жалоб. Никаких жалоб.

Смерть поразмыслил над этим, а затем сказал:

— Я ВСЕГДА ИСПОЛНЯЛ СВОЙ ДОЛГ ТАК, КАК СЧИТАЛ ПОДОБАЮЩИМ.

Фигура подплыла ближе. Она отдалённо напоминала монаха в серой рясе с капюшоном.

Она ответила: *Мы знаем. Поэтому разрешаем тебе оставить коня.*

Солнце клонилось к закату.

Из всех созданий на Плоском мире самая короткая жизнь у мушек-подёнок — не более двадцати четырёх часов. Две самые старые мушки бесцельно кружили над рыбным ручьём, повествуя недавно вылупившимся о былых временах.

— Да, в наши часы солнышко уже не то, — сказала одна.

— И то верно. В старые добрые времена солнце было настоящее. Всё такое жёлтое, не то что это, красное.

— А ещё оно висело выше.

— Верно говоришь.

— А куколки и личинки уважали старших!

— И то верно! И то верно! — с жаром согласилась другая подёнка.

— Думается, ежели бы мушки в те времена вели себя получше, солнце не померкло бы.

Младшие подёнки уважительно внимали.

— А ещё помню, — сказала одна из старейших мушек, — кругом были поля, широкие, доколь хватает глаз.

Младшие огляделись.

— Тут и сейчас поля, — заметила одна из них, выдержав уважительную паузу.

— Да, но я помню времена, когда поля были *лучше*, — процедила старая подёнка.

— Верно! — согласилась её товарка. — А ещё тогда была корова.

— Совершенно точно! Вы правы! Я помню эту корову! Стояла прямо вот тут целых сорок, нет, пятьдесят минут. Бурая такая, как сейчас помню.

— Да уж, в нынешние часы таких коров не бывает.

— Их теперь вообще не встретишь.

— А что такое корова? — спросила одна из личинок.

— Видали? — торжествующе заявила пожилая подёнка. — Ничего-то они не знают, современные *ephemeroptera*. — Она задумалась. — Кстати, чем мы занимались до того, как заговорили о солнце?

— Бесцельно кружили над водой, — предположила мушка помладше. Тут было трудно ошибиться.

— Нет, ещё раньше.

— Эм-м... вы рассказывали о Великой Форели.

— А, ну да. Форель. Видите ли, если б вы были достойными подёнками и кружили вверх-вниз, как подобает...

— ...И слушались старших и мудрых...

— ...Да, и слушались старших и мудрых, то однажды Великая Форель...

Плюх.

Плюх.

— ...То что? — спросила мушка помладше.

Ответа не было.

— Великая Форель однажды что? — с тревогой переспросила другая мушка.

Они опустили глаза и увидели, как по воде расходятся круги.

— Священный знак! — воскликнула однодневка. — Помню, мне об этом рассказывали! Великий Круг На Воде! Сие есть знамение Великой Форели!

Старшая из младших мушек задумчиво всмотрелась в воду. До неё начало доходить, что, раз она старшая из присутствующих подёнок, именно ей выпадает честь летать ближе всех к поверхности.

— Есть предание, — сказала мушка сверху, — что, когда за тобою приходит Великая Форель, ты попадаешь в край, где реки текут... текут реки... — Однодневки ничего не едят, так что идей у неё не было. — Текут водой, — обречённо закончила она.

— Представляю, — сказала старейшая подёнка.

— Там наверняка очень хорошо, — сказала младшая.

— Да? С чего бы?

— Ну, раз оттуда никто не хочет возвращаться.

Ну а старейшие существа на Плоском мире — знаменитые Считающие сосны. Они растут у самой границы вечных снегов высоко в Овцепикских горах.

Считающие сосны представляют собой уникальный пример заимствованной эволюции. Большинство видов эволюционируют сами по себе, доходя до всего в процессе, как и заповедовала Мать-Природа. Это очень естественно, органично и сочетается с загадочными космическими циклами, предполагающими, что только миллионы лет дико утомительных проб и ошибок позволят вашему виду обрести моральные устои, а то и позвоночник.

С точки зрения видов, это, может, и нормально, но с точки зрения участвующих в этом отдельных индивидов, им подложили свинью — или, как минимум, розовую ящерку, питающуюся корнями, которая со временем может эволюционировать в свинью.

Так что Считающие сосны избежали всего этого, позволив всяким прочим овощам эволюционировать за них. Семя сосны, оказавшись в любой части Плоского мира, сразу же заимствует самый успешный

местный генетический код при помощи морфического резонанса и вырастает тем, что лучше всего подходит местной почве и климату. Как правило, у них это получается даже лучше, чем у самих местных деревьев, которых новички вскоре вытесняют.

Но в первую очередь Считающие сосны интересны тем, что умеют считать.

Они откуда-то узнали, что люди научились узнавать возраст деревьев по количеству годовых колец. И тогда старейшие Считающие сосны возомнили, что именно ради этого люди спиливают деревья.

В ту же ночь каждая Считающая сосна поменяла свой генетический код так, чтобы на уровне глаз на её стволе бледными цифрами проступал её возраст. Не прошло и года, как их вырубил почти полностью работники компаний по производству табличек с номерами. Лишь немногие сосны уцелели в труднодоступных местах.

Шесть Считающих сосен из этой рощицы слушали седьмую, старейшую, чей узловатый ствол украшало число тридцать одна тысяча семьсот тридцать четыре. Разговор занял семнадцать лет, здесь он ускорен для удобства.

— Помню, в моё время вокруг не были сплошные поля.

Сосны оглядели тысячи вёрст окрестностей. Небо мигало, как плохой спецэффект из кино про путешествия во времени. Появлялся снег, лежал минуту-другую, затем таял.

— А что же было? — спросила ближайшая сосна.

— Лёд. Но не такой, как нынче. В те годы льдины были настоящие. Не то что нынешний снежок: зимой выпал, весной растаял. Те льды и снега не таяли веками.

- И куда же они делись?
- Всё ушло.
- Куда ушло?
- А куда всё уходит. Вечно все куда-то спешат.
- Ого. Вот это сейчас жёстко было.
- Что именно?
- Да эта зима только что.
- И это вы называете зимой? Вот, помню, была я росточком, у нас были такие зимы...

И тут дерево исчезло.

После потрясённого молчания, длившегося несколько лет, молодая сосна сказала:

— Ну, дела! Она просто исчезла! Раз — и всё! День назад ещё была, а сегодня уже нет!

Будь остальные деревья людьми, они бы сейчас неловко переминались с ноги на ногу.

— Так случается, дружок, — ласково сказала одна сосна. — Её забрали в Лучшее Место*, можешь не сомневаться. Она ведь была добрым деревом.

Младшенькая, которой едва стукнуло пять тысяч сто одиннадцать, спросила:

— А что это за Лучшее Место?

— Мы точно не знаем, — признала другая, неуютно покачиваясь от метели недельной длины. — Но полагаем, что оно как-то связано... с опилками.

Деревья не способны замечать события, занимавшие менее дня, а потому не услышали стука топоров.

Ветром Сдумс, старейший волшебник Незримого университета — всемирно известного центра магии,

* В данном случае — целых три Лучших Места. Вороты домов № 31, 7 и 34 по улице Вязов, город Анк-Морпорк.